

— Наставник, я, может, и тугодум, но буду очень стараться, — Цинь Фэн протянул кисть Чу Ханьюэ, глядя на него с тоской и преданностью, словно брошенный щенок. — Пожалуйста, наставник.

Увидев этот жалобный взгляд, Чу Ханьюэ невольно вспомнил Цяо Цяньли.

Когда он начал обучать Цяньли, тому было уже за десять. Мальчишка был крупным, ел за двоих и отличался редким простодушием, из-за чего братья по секте постоянно над ним подтрунивали. Даже собственный учитель смеялся над его аппетитом. Чу Ханьюэ не выдержал и забрал его к себе.

Лишь после этого он понял, что из-за насмешек и травли Цяньли вообще ничему не научился. Пришлось начинать с самых азов, но даже тогда он не опускался до того, чтобы водить его рукой по бумаге.

Однако сейчас, встретив сияющий взор Цинь Фэна — полный нужды и мольбы, — он просто не смог отказать.

— Наставник, можно? — Цинь Фэн, заметив, что тот замялся, легонько подергал его за рукав.
— Наставник, о чем вы думаете?

Придя в себя, Чу Ханьюэ со вздохом поднялся и сел рядом. Он обхватил ладонь юноши своей, направляя её.

— Только один раз. Больше не проси.

— Хорошо! Спасибо, наставник! — Цинь Фэн широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами.

Чу Ханьюэ заметил, что Цинь Фэн вообще любил улыбаться. В их первую встречу, когда деревенские связали его и бросили в колодец, тот был до ужаса истощен — кожа да кости. Наверняка он с детства терпел голод, холод и издевательства, но его взгляд оставался на удивление ясным. Это была редкость.

Научив его правильно держать кисть и делать первые мазки, Чу Ханьюэ сразу отстранился.

— Напиши каждое из этих слов по сотне раз. Потом проверю.

Цинь Фэн: «...»

Чу Ханьюэ подошел к книжному шкафу, но едва он потянулся за свитком, резкий порыв ветра распахнул окно. Снежная пыль ударила в лицо, и он замер, чувствуя, как щеки заливают жар.

Всё, что происходило у этого самого окна прошлой ночью, мгновенно всплыло в памяти. Он и представить не мог, что однажды позволит себе подобное с кем-то, тем более с мужчиной. Но Бессмертный почтенный Хуаян не был обычным человеком. Он, крепкий и горячий, казалось, мог укрыть его от всего мира; в его объятиях ощущалась колоссальная мощь, и еще...

Чу Ханьюэ резко тряхнул головой. О чем он только думает среди бела дня? Рядом сидит ученик. Если кто-то узнает о его мыслях и снах, куда он денет глаза от стыда?

Сжав кулаки, он быстро подошел к окну и плотно его закрыл.

— Створка совсем разболталась. Нужно велеть, чтобы её заколотили.

Заметив его смятение, Цинь Фэн догадался, что наставник снова вспомнил ночные грезы, и нарочно спросил:

— Наставник, вы утром говорили, что нельзя есть мясо и пить вино. А... парным совершенствованием заниматься можно?

Чу Ханьюэ вздрогнул и гневно воззрился на него:

— Где ты набрался этой мерзости?

— Почему же это мерзость? — искренне удивился Цинь Фэн. — Я слышал, что парное совершенствование помогает укрепить культивацию. Почему это плохо? К тому же, желания — вещь естественная. Разве следовать природе не есть истинный путь?

— Природе? — фыркнул Чу Ханьюэ. — Пиши давай, не отвлекайся.

Сказав это, он невольно проверил свою духовную энергию. Она действительно немного возросла. Неужели от этого в самом деле есть прок даже во сне?..

«Нет, невозможно. Скорее всего, дело в недавней охоте на демонов», — попытался убедить он себя.

— Наставник, последний вопрос, — Цинь Фэн с лукавой усмешкой посмотрел на него. — Мы можем пожениться?

— Кто это «мы»?!

— Наставник, не злитесь! Я имел в виду — разрешено ли адептам горы Юньцзянь вступать в брак? Я не про нас с вами, — добавил он, хотя в душе думал об обратном.

Чу Ханьюэ потер переносицу, понимая, что вспылil на ровном месте. Он неловко кашлянул:

— Сосредоточься на письме и не забивай голову ерундой.

— Понятно, — Цинь Фэн недовольно надулся. — Вы наверняка думаете: «Раз уж ты нищий бродяга и без Юньцзянь жену бы не нашел, так сиди и не привередничай, обсуждая правила».

— Жениться можно, — невольно сдался Чу Ханьюэ. — Хоть ты и считаешься моим учеником, формально ты не принадлежишь к нашей секте. Когда спустишься с горы, правила Юньцзянь на тебя распространяться не будут.

— Мне придется спуститься? — Цинь Фэн хотел было расспросить подробнее, но услышал скрип деревянной лестницы. Помня, что Чу Ханьюэ запретил ему попадаться на глаза посторонним, он мгновенно юркнул за книжный шкаф.

Пришел Лянь Гуанмань, глава секты. Едва поднявшись, он посмотрел в сторону укрытия Цинь Фэна и негромко произнес:

— Можешь не прятаться. Все и так в курсе.

Цинь Фэн помедлил, но когда Чу Ханьюэ позвал его, он нехотя вышел.

Лянь Гуанмань жестом пригласил их присесть.

— Старший брат, мы все знали, что ты привел этого ребенка. За ним следили десятки глаз, так что его присутствие ни для кого не секрет. Хочешь взять ученика — бери, мы не станем возражать. Пусть подлечится пару лет, а потом отправишь его вниз.

С Лянь Гуанманем Чу Ханьюэ держался мягче, чем с остальными.

— Благодарю за понимание, глава. Я прослежу за этим.

Тот с улыбкой кивнул и повернулся к Цинь Фэну:

— Симпатичный малый, только уж больно тощий. Его нужно подкормить.

— Глава, вы ведь пришли не ради него? — перебил Чу Ханьюэ.

— Верно. Говорят, ты каждый день проводишь в архивах. Что ищешь?

Чу Ханьюэ рассказал о загадочных насекомых.

— Если в наших свитках ничего нет, я планирую снова вернуться в городок Чанцзя. Возможно, там найдутся зацепки.

Лянь Гуанмань задумчиво кивнул:

— Хорошо. Я тоже велю своим людям поискать сведения. Брат, не мог бы ты нарисовать это насекомое?

— Они слишком малы, рассмотреть детали невооруженным глазом почти невозможно. Знаю только, что они ярко-красные, пахнут кровью и имеют четыре крыла, — при воспоминании о тех тварях по коже Чу Ханьюэ пробежал холодок. — Более того, они проникают в тело с дыханием, и тогда человек костенеет, теряя способность двигаться.

— Просто застывает... Говоришь, пахнут кровью? Может, они кровососущие? — Глава пометил детали на бумаге. — Ты сам не чувствуешь недомогания? Они вышли из твоего тела?

Чу Ханьюэ покачал головой:

— Оцепенение прошло через какое-то время, и больше я их не ощущал. Наружу они не выбирались. — Он бросил взгляд на Цинь Фэна. — А вот из него они вышли все до единой, и это было... крайне странно.

Цинь Фэн делал вид, что прилежно пишет, но ловил каждое слово. Эти букашки пытались сожрать даже его божественную силу. Если бы он не вытеснил их силой, они бы выпили его досуха. Но на Чу Ханьюэ и Цяо Цяньли они не подействовали. Если в случае с наставником это можно списать на исключительность, то двое — это уже закономерность. Видимо, у людей горы Юньцзянь какая-то особая природа.

В этой секте слишком много тайн. Ему нужно разузнать всё до конца, прежде чем его маленький небожитель вознесется и исчезнет из виду.

Проговорив с главой еще немного, они не заметили, как наступил полдень. Едва Лянь Гуанмань ушел, Цинь Фэн тут же подсунул наставнику свои труды.

— Наставник, раз вы собираетесь в Чанцзя, возьмите меня с собой? — он вплотную придвинулся к Чу Ханьюэ и вцепился в его локоть. — У меня там остались вещи, я хочу их забрать, ладно?

Чу Ханьюэ покосился на его руку:

— Прекрати вечно хвататься за мои рукава. Я и так собирался взять тебя. Оставлять тебя здесь без присмотра — только беды ждать.

— Правда?! Вы лучший, наставник! — Цинь Фэн в порыве радости обнял его, уткнувшись лицом в грудь. Прежде чем тот успел вспыхнуть от возмущения, юноша добавил: — Никто никогда не был ко мне так добр. У меня нет родных, меня только обижали... Вы первый, кто позаботился обо мне.

Глядя на это ребячество, Чу Ханьюэ не смог злиться. Ему самому прежде не доводилось сталкиваться с такой открытой привязанностью. Не зная, как реагировать, он осторожно отстранил юношу и холодно произнес:

— Почерк — смотреть тошно. После обеда напишешь еще сотню страниц.

— О-о-о... — Цинь Фэн едва не взвыл. Он нарочно писал вкривь и вкось, чтобы не выдать себя, и в итоге сам себя наказал.

Помня о вчерашнем сне, Чу Ханьюэ не решился оставаться в Башне на ночь. Он взял пару книг и ушел к себе. Читать допоздна он тоже не стал: в прошлые разы грезы приходили именно после бессонных часов. Он лег пораньше и едва успел погасить лампу, как почувствовал, что одеяло кто-то откинул.

Чу Ханьюэ вздрогнул, пытаясь вскочить, но его прижали к подушкам за плечи.

Цинь Фэн с легким смешком коснулся его лица и попытался поцеловать в губы. Чу Ханьюэ резко отвернулся, и поцелуй пришелся в щеку.

— Сегодня ты лег совсем рано, — прошептал незваный гость.

Луны не было, и в густой тьме лица было не разглядеть, но Чу Ханьюэ кожей чувствовал исходящее от мужчины тепло, его нежный голос и тяжелую ладонь на своей талии. Ощущения были слишком реальными. Он снова ущипнул себя — боли не было.

— Бессмертный почтенный, прошу вас, соблюдайте приличия, — он попытался оттолкнуть его, но силы были неравны. В ответ послышался лишь тихий смех, и его запястья оказались прижаты к изголовью одной рукой.

— Мы ведь еще не пробовали в постели? — Цинь Фэн склонился к его шее, вдыхая аромат. — Всё одеяло пропахло тобой.

Чу Ханьюэ задрожал, чувствуя, как воля покидает тело.

— Бессмертный почтенный... не надо.

— Не надо? Тебе не нравится? — Цинь Фэн коротким поцелуем коснулся его губ. — Вчера ты так сладко стонал, а тело ведь не умеет лгать...

— Мгх... — Чу Ханьюэ невольно издал тихий стон, почувствовав его ласки. Сгорая от стыда, он сквозь зубы выдавил: — Прекрати!

<http://bllate.org/book/17570/1654589>